

Антримексы

LORA MIRON

Lora Miron

Антримексы

«Автор»

2026

Miron L.

Антримексы / L. Miron — «Автор», 2026

Перед вами трогательная сага о Максе и его верных товарищах. Судьба забрасывает юного героя и его близких в тихий провинциальный городок, где он обретает новых друзей. Но покой длится недолго, ведь их ждут захватывающие дух приключения и встреча с таинственными антримексами. Кто же они такие? Небесные создания? Могущественные божества? Или зловещие демоны? Беда не заставляет себя ждать: кошмарный антримекс похищает родителей Макса, повергая его в пучину отчаяния. Но настоящая дружба не знает границ! Его друзья, движимые состраданием и преданностью, решают отправиться вместе с ним в опасное путешествие, чтобы вернуть самое дорогое, что у него есть. Какое будущее ждет их впереди? Какие испытания им придется преодолеть? Сумеют ли они отыскать пропавших родителей и остановить зло, которое таится во тьме и угрожает поглотить все вокруг? Их ждет долгий и тернистый путь, полный надежд и разочарований, любви и потерь. Но вместе они смогут все!

© Miron L., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Lora Miron

Антримексы

Глава 1

День, когда всё изменилось.

У Макса перехватило дыхание, когда он замер у окна. Перед ним раскинулся совсем иной мир, не тот, к которому он привык. Вместо привычной городской суеты – лишь одиноко стоящие дома, прямо через дорогу, красивые, большие, современные, но такие чужие для него. На горизонте виднелись деревья и едва различимые очертания небольшого городка. В Сиэтле из его окна на двенадцатом этаже открывался захватывающий вид на сверкающий огнями, современный город, с высотками и небоскребами, уходящими в самое небо. Здесь же царила тишина, нарушаемая лишь редким щебетом птиц. Это была полная противоположность его прежней жизни – шумной, насыщенной, полной событий.

Мальчик подошел к стопке коробок, стоящей у дверей его новой спальни, их грубо сколоченные деревянные стенки казались ему непреодолимым препятствием. Внутри, он знал, лежали его вещи: любимая коллекция комиксов, постеры с героями фантастических фильмов, старая, немного потрёпанная бейсбольная перчатка – воспоминания о веселых играх с друзьями, о которых он теперь мог только мечтать. Каждая коробка хранила кусочек его прошлого, его сиэтлской жизни, жизни, которую он так неожиданно потерял.

Его взгляд упал на фотографию, случайно выпавшую из одной из коробок. На ней он был запечатлен со своими друзьями на своем тринадцатом дне рождения. Тот день помнился до мельчайших деталей: в воздухе витал сладковатый запах ванильного торта, который мама испекла специально для праздника — она ещё ворчала, что глазурь никак не хочет ложиться ровно, а потом гордо поставила торт на стол, будто это было восьмое чудо света. Разноцветные гирлянды отбрасывали на лица ребят причудливые цветные блики: то Вивьен вспыхивала изумрудным светом, то Джейк становился фиолетовым, и они хохотали, уверяя друг друга, что теперь они — супергерои из секретной команды.

Макс вспомнил, как весь день казался бесконечно длинным и при этом проносился в мгновение ока. Утром он проснулся раньше всех, не в силах сдержать предвкушение, и тихонько ходил по квартире, боясь спугнуть ощущение праздника. На нём была футболка с логотипом бейсбольной команды — он выбрал её заранее, целую неделю репетируя, как небрежно скажет: «Да, это просто футболка, ничего особенного», хотя на самом деле она была его любимой.

На фото все широко улыбались — искренне, беззаботно, так, как умеют только подростки, ещё не знающие, что жизнь порой резко меняет курс. Макс стоял в центре, чуть наклонившись вперёд, будто хотел вырваться за пределы кадра. Рядом — Джейк, вечно придумывавший какие-нибудь шалости, и Вивьен, которая тогда впервые попробовала сама сделать праздничные открытки. Блеск огней на снимке казался особенно ярким, словно фотограф поймал тот самый миг, когда счастье было осязаемым, почти материальным.

Теперь всё это казалось далёким и нереальным, будто происходило не с ним, а с кем-то другим — в какой-то параллельной, навсегда потерянной вселенной. Макс медленно наклонился, поднял фотографию и осторожно провёл пальцем по её загнутому уголку. Казалось, если нажать чуть сильнее, изображение рассыплется, исчезнет, как утренний сон. В груди что-то сжалось, и он почувствовал, как к горлу подступает тяжёлый, горький ком — словно он впитал в себя всю ту тоску, которую старательно прятал последнюю неделю. Грусть давила на него, пригибая к земле, лишая сил даже просто выпрямиться. На мгновение ему захотелось

сжать снимок в кулаке, чтобы боль стала короткой и выносимой, но вместо этого он бережно разгладил края фотографии — будто этим мог сохранить хоть что-то из того утраченного мира.

Джесси, его младшая сестра, тихо вошла в комнату — так бесшумно, будто боялась спугнуть тишину, повисшую в воздухе. На ней была любимая футболка с нарисованным единорогом и розовые джинсы, а из хвостика, небрежно перехваченного резинкой, выбивались тонкие светлые прядки. Джесси была гораздо младше Макса — всего шесть лет, и переезд воспринимала совсем иначе: не как потерю, а как увлекательное приключение, о котором она мечтала задолго до того, как родители объявили о переезде. Для неё каждый новый дом был тайной, которую предстояло разгадать, каждая улица — маршрутом для будущих экспедиций, а любой незнакомый двор — местом, где обязательно случится что-то необыкновенное.

Она остановилась у стены и, чуть склонив голову набок, принялась внимательно рассматривать свои детские рисунки, уже успевшие украсить комнату. Яркие краски — сочный жёлтый, пронзительно синий, огненно-оранжевый — словно врывались в сдержанную палитру нового дома, добавляя ему тепла и жизни. Девочка водила пальцем по краям рисунков, будто проверяя, настоящие ли они, не исчезнут ли, если она перестанет на них смотреть. Время от времени она тихонько вздыхала от удовольствия, а потом вдруг поворачивалась, оглядывая комнату с живым любопытством. Её взгляд скользил по картонным и деревянным коробкам, но она не видела в них преграды — скорее, сундуки с сокровищами, которые только и ждут, чтобы их открыли. В её глазах этот дом уже не был чужим: она мысленно расставляла игрушки по полкам, придумывала, где устроит тайное убежище, и представляла, как будет звать сюда новых друзей.

И пока Макс держал в руках старую фотографию, чувствуя, как прошлое тянет его назад, Джесси стояла посреди комнаты, полная предвкушения. Казалось, сама жизнь уже шептала ей на ухо: «Здесь начнётся что-то удивительное».

— Макс, а давай построим шалаш на заднем дворе? — спросила девочка. Её глаза сияли, а в голосе звенела такая искренняя надежда, что игнорировать её было почти невозможно. Её оптимизм казался Максиму одновременно раздражающим, и завидно-привлекательным.

Мальчик вздохнул, понимая, что не может вечно тонуть в своих мрачных мыслях. Он встал рядом с сестрой и посмотрел на её рисунки. Может быть, она права. Этот маленький городок, этот старый дом — всё это не так уж и плохо, если присмотреться. Возможно, здесь тоже можно найти друзей, новые увлечения, новые приключения.

Он представил, как они с Джесси строят шалаш: тащат во двор старые одеяла и подушки, скрепляют ветки найденными, где-то верёвками, спорят о том, какой должна быть крыша — покатой или плоской. Представил, как они играют на просторном дворе, гоня по траве потрёпанный мяч, как исследуют новый город, сворачивая на каждую незнакомую улицу, заглядывают в тихие переулки и прислушиваются к звукам, которые здесь звучат иначе, чем в шумном Сиэтле. В этом воображаемом будущем не было места горькой тоске — только любопытство, смех и ощущение, что впереди ещё столько всего, что даже не уместится в одну неделю.

Впервые за весь день он улыбнулся. Это была слабая, неуверенная улыбка, едва тронувшая уголки губ, будто она сама ещё не до конца верила, что имеет право появиться. Но это было начало — тонкая, едва заметная трещина в ледяной корке, сковывавшей его сердце. И сквозь эту трещину уже пробивался свет: не такой яркий, как у Джесси, но свой, тихий, набирающий силу.

— Построим, Джесс, обязательно построим, но чуть позже, — ответил мальчик, потрепав сестру по волосам и выдавив из себя натянутую, но уже не такую горькую улыбку.

Он потянулся к одной из картонных коробок и медленно открыл её, будто боялся спугнуть что-то хрупкое, спрятанное внутри. Края коробки слегка хрустнули, клей уступил, и крышка откинулась, обнажив аккуратно уложенные вещи. Внутри лежали его любимые

комиксы — стопка потрепанных томов, обложки которых давно потеряли первоначальный глянец, но от этого казались только дороже.

Взяв в руки первый том, Макс провёл пальцами по обложке, ощущая знакомые неровности и лёгкие заломы — следы бесчисленных перечитываний. Он начал листать страницы, и перед глазами тут же всплывали картины прошлого: его старая комната в Сиэтле, где на подоконнике всегда громоздилась такая же стопка комиксов, а из наушников тихо лилась музыка, под которую он погружался в чужие миры и невероятные истории. Он вспомнил, как спорил с друзьями о сюжетных поворотах, как прятал особо ценные выпуски от младшего двоюродного брата и как однажды пролил на один из томов апельсиновый сок — пятно, так и осталось, едва заметное, но для него бесконечно узнаваемое.

Но теперь эти комиксы были не просто воспоминаниями о прошлом — они стали для него чем-то вроде якоря, тонкой, но прочной связью с его «старым я». Тем Максом, который умел безоглядно увлекаться, смеяться над глупыми шутками и верить, что впереди ждёт только хорошее. И сейчас ему хотелось не отпустить этого Макса, а взять его с собой в новую жизнь, в этот маленький городок, который пока казался чужим, но, возможно, ещё мог стать его домом.

Начало было положено. Разборка нескольких коробок превратилась из нудной рутины в своеобразный ритуал прощания с прошлым и встречи с будущим. И в этом будущем, возможно, его ждали новые друзья, новые приключения и новый, более счастливый дом.

Следующим утром...

— Макс, унеси эту коробку на чердак.

— Что в ней? Почему она такая дряхлая?

— Это вещи моей бабушки, — протирая запыленные годами полки рассказывала мама. — Ее любимые книги, какие-то записи в тетрадах. Даже не знаю, что в них. Никогда не решалась заглянуть.

— Может их выбросить, они же старые и никому не нужны.

— Ну уж нет, они были очень важны и дороги для бабушки.

— Mam, а почему мы переехали в дом бабушки, он такой старый. Есть ведь другие дома. Можно было найти дом получше, с нормальной отделкой и хорошим ремонтом, а не... вот это всё.

Мама, не оборачиваясь, продолжала протирать последнюю пыльную полку. Её движения были размеренными, будто она пыталась не только стереть пыль, но и сгладить острые углы этого разговора.

— Это теперь наш дом, сынок, — мягко, но твёрдо ответила она, наконец повернувшись к нему. В её глазах читалась усталость, смешанная с тихой решимостью. — Не переживай, мы здесь всё отремонтируем. Он будет как новенький, вот увидишь. Мы покрасим стены, поменяем полы, может быть, даже расширим кухню... Всё станет другим.

Макс лишь печально выдохнул, не чувствуя в себе сил спорить. Слова мамы звучали как обещание, но для него они были слишком далёкими, словно относились к какой-то другой жизни — той, в которой он ещё мог чему-то радоваться.

— Хорошо, — произнёс он, опустив взгляд. — А можно Джесси будет спать в другой комнате? Она ведь уже не такая маленькая, да и комнат у нас теперь достаточно. Мне нужно своё пространство. И мне надоели её постоянно разбросанные игрушки... Они везде: под ногами, на кровати, даже в моём рюкзаке как-то оказались.

Мама на секунду прикрыла глаза, собираясь с мыслями, потом снова взялась за тряпку, будто привычное действие помогало ей держать себя в руках.

— Обязательно будет, как только мы сделаем ремонт в её комнате. А пока потерпишь, ладно? Сейчас у нас нет ни сил, ни денег на всё сразу. Сначала нужно привести в порядок хотя бы основные комнаты.

Макс закатил глаза, ощущая знакомое, до боли привычное бессилие — то самое, которое накатывало всякий раз, когда взрослые говорили «потерпи». Он хотел возразить, сказать, что терпеть уже невыносимо, но слова застряли в горле. Другого выхода у него не было, и он это понимал.

Сжимая в руках пыльную коробку — её картон уже начал расслаиваться от сырости, — он молча поднялся по скрипучей лестнице на чердак. Каждый шаг отдавался глухим стоном старых ступеней, будто сам дом неохотно принимал новых жильцов.

На чердаке запах старого дерева и затхлости ударил в нос особенно резко — смесь пыли, сухих трав и чего-то неуловимо забытого. Макс поставил коробку у стены, где ряды старых сундуков и ящиков напоминали молчаливых свидетелей чужой, давно прожитой жизни. Он огляделся: сквозь мутное окно пробивался тусклый свет, ложась косыми полосами на пол, покрытый толстым слоем пыли.

Его собственная жизнь, казалось, тоже превратилась в такую же пыльную коробку, полную невысказанных обид и несбывшихся надежд. Переезд, потеря друзей, вынужденное деление комнаты с младшей сестрой, которая, несмотря на все свои старания, казалась ему воплощением хаоса... Всё это давило на него невыносимой тяжестью, сковывая движения, приглушая голос и заставляя смотреть на мир сквозь серую пелену разочарования. И сейчас, стоя среди чужих воспоминаний, он не знал, хватит ли у него сил, когда-нибудь снова почувствовать себя дома.

— Иди завтракай, тебе через пятнадцать минут нужно выходить в школу. Ты всё собрал? — мама выглянула из кухни, вытирая руки о полотенце. В ее голосе звучала привычная утренняя спешка, но за ней угадывалось и что-то ещё: волнение за первый учебный день в новом месте.

— Да, мам, всё собрал, — ответил мальчик, спускаясь с чердака. Ступени попрежнему скрипели под его шагами, будто неохотно отпускали его из той тишины, где он только что прятался от всех забот. Он снова закатил глаза вверх, едва заметно, почти машинально — привычный жест, которым он пытался скрыть, что на самом деле ему не так уж спокойно, как хотелось казаться.

На кухне пахло поджаренным хлебом и крепким кофе, который мама пила маленькими глотками, стараясь успеть сделать всё сразу. Макс сел за стол, механически подвинул к себе тарелку с тостами, но есть не хотелось: в груди всё сжималось от одной мысли о том, что впереди — новая школа, незнакомые лица, чужие коридоры, где никто не знает, кто он такой.

После завтрака он взял свой рюкзак — тяжёлый, набитый учебниками и тетрадями, среди которых затерялся и маленький комикс, который он сунул туда почти бездумно, словно талисман из прошлой жизни. Пальцы на мгновение задержались на застёжке, будто он хотел ещё хоть минуту посидеть дома, в этом пока ещё чужом, но уже немного привычном пространстве. Потом он решительно поднялся и направился к выходу, стараясь шагать уверенно, будто и не было этого внутреннего трепета.

— Пока, Макс! Можно я поиграю на твоём планшете, пока ты в школе? — звонким, нетерпеливым голосом спросила Джесси, сбегая вниз по лестнице со второго этажа. Её косички подпрыгивали в такт шагам, а на лице светилась та самая беззаботная надежда, которая так раздражала и одновременно притягивала Макса.

— Только попробуй его взять! — грубо бросил мальчик, даже не оборачиваясь. Слова вырвались сами, жёсткие и резкие, как будто он хотел оттолкнуть не только её просьбу, но и всё то беспокойство, что копилось внутри.

Джесси замерла на нижней ступеньке, и её улыбка мгновенно погасла. Она обиженно посмотрела на брата большими глазами, в которых на секунду мелькнула растерянность, а потом, резко отвернувшись, убежала на кухню, где тут же принялась греметь чашками, делая вид, что ей вовсе не обидно.

— Макс, поторопись, не стоит опаздывать в школу в первый день, — мама подошла к двери, поправила воротник его куртки, будто хотела этим простым движением добавить ему уверенности.

— Да да, уже иду, мам, — буркнул Макс, стараясь не встречаться с ней взглядом. Внутри всё сжималось: ему хотелось одновременно и остаться дома, и поскорее уйти, чтобы наконец покончить с этим тягостным ожиданием.

— Удачи тебе, мой дорогой, всё будет хорошо, — мама ласково погладила его по голове, а потом наклонилась и поцеловала в лоб — так, как делала, когда он был совсем маленьким и боялся темноты.

— Ну да, конечно. И зачем было уезжать из дома в этот задрипанный городок... — буркнул мальчик себе под нос, опустив взгляд на свои потрёпанные, но такие любимые кроссовки, на которых ещё виднелись следы сиэтлской грязи. Он нарочно говорил тихо, почти шёпотом, чтобы мама не услышала, но в этом бормотании пряталась вся его обида — тяжёлая, колючая, не уместяющаяся в обычные слова. Ему казалось несправедливым, что взрослые могут вот так, одним решением, перевернуть всю жизнь: забрать из привычного двора, где каждый уголок был знаком, из школы, где у него были друзья, из комнаты, в которой он сам выбирал, куда повесить постеры и где расставить фигурки супергероев.

Мама чуть нахмурилась, но не стала делать ему замечание за грубость — она слишком хорошо знала, что эта резкость не от злости, а от растерянности и страха перед неизвестностью.

— Ты же знаешь, папа получил здесь новую работу, на много лучше, чем прежняя. Вот увидишь, здесь мы заживём по-новому. Дом станет уютным, ты привыкнешь к школе, найдёшь ребят, с которыми будет интересно... И однажды ты оглянешься и поймёшь, что не захочешь возвращаться обратно. Здесь начнётся что-то своё, настоящее.

Макс едва заметно дёрнул плечами, будто хотел стряхнуть с себя эти ободряющие слова вместе с прохладным утренним воздухом. В груди всё ещё теснилось упрямое «не хочу», но он не стал спорить вслух: спорить с маминой уверенностью было всё равно что пытаться остановить ветер. Вместо этого он лишь слегка кивнул, чтобы не расстраивать её ещё больше, и покосился на калитку, за которой уже виднелась тропинка, ведущая к школе...

Неделю назад...

Это было обычное летнее утро в конце августа — такое, когда воздух ещё тёплый, но в нём уже прячется первая, едва уловимая прохлада, предвещающая скорый сентябрь.

Мама как обычно готовила завтрак на кухне. Запах жареного бекона, шкворчащего на сковороде, разносился по всей квартире и выходил в окно настежь открытого балкона на 12 этаже.

— Макс, пора вставать! — послышался такой родной мамин голос, призывающий немедленно встать и пойти завтракать.

Открыв глаза Макс лежа на кровати сразу же, уставился в потолок. «Спасть... спать...» — крутилось в его голове, но яркие лучи солнца уже не давали заснуть снова. Они освещали всю комнату и уходили в самый конец длинного темно-зеленого коридора ведущего в гостиную, где играла младшая сестренка Джесси. Папа тоже не спал, это было сразу понятно, звонкое клацанье клавиатуры было лучше любого будильника, он всегда встает в шесть утра и начинает работать, даже по выходным.

Макс натянул одеяло до самого подбородка и продолжил пялиться в потолок. Он знал, что сейчас позавтракает и отправится гулять со своими друзьями. Ведь до школы оставалось совсем ничего и нужно успеть захватить последние свободные денечки и отдохнуть по полной. Макс со своими друзьями очень любили гулять возле морского причала и наблюдать за плавно отходящими от него яхтами и лодками. Сиэтл... милый Сиэтл. Макс обожал этот город. Здесь он родился и вырос. Это его родной дом. И здесь он будет жить еще очень-очень долго...

Именно так думал мальчик до последней минуты. И тут, как гром среди ясного неба прогремел звонок папиного телефона. Он долго о чем-то разговаривал, после чего отправился к маме на кухню. Там они снова о чем-то говорили и говорили, иногда даже на повышенных тонах. Макс накрылся одеялом с головой и отвернулся к стенке. Он почти снова заснул, как в комнату забежала Джесси, прыгнула к Макс на кровать и громко и радостно закричала:

— Урааааа, мы переезжаем в другой город, мы переезжаем. Вставай Макс, мы переезжаем.

— Джесси, успокойся, — раздраженно буркнул Макс и снова плюхнулся на подушку. — Иди, переезжай у себя в комнате, дай поспать.

— Мы по-настоящему переезжаем, так мама с папой сказали, — недовольно продолжила Джесси, обиравшись на брата.

Мальчик медленно сел, откинул одеяло и в полной растерянности глянув на сестру, сидящую на его кровати, спросил:

— Мама с папой сказали?

— Да, да, иди сам спроси, а я пошла складывать игрушки в коробки, — недовольно ответила девочка и убежала в свою комнату.

Макс задумчиво сидел, сжимая в пальцах край одеяла и не мог понять, что происходит. Может это ему снится... Такой странный, тягучий сон, где слова звучат как будто сквозь вату, а реальность слегка плывёт по краям. Чтобы проверить, он ущипнул себя за ногу со всей силы — и вскрикнул от резкой, настоящей боли, которая мгновенно прогнала остатки сонной дымки. Это был не сон. Разочарованно, с тяжёлым вздохом додумал мальчик: хуже всего было именно то, что это была реальность.

Медленно, будто каждое движение давалось с трудом, он встал с кровати и поплёлся на кухню. Его сердце бешено колотилось, отдаваясь гулким стуком, где-то в горле, а в голове царил хаос: мысли насакивали друг на друга, обрывались на полуслове и снова кружились в безумном хороводе. «Переезд... Что это вообще значит? Другой дом, с чужими стенами и незнакомыми запахами. Другая школа, где никто не знает его имени, где придётся стоять у доски и чувствовать на себе десятки любопытных взглядов. Другие друзья... Или вообще никаких». Мысль о том, что ему придётся оставить всё, что он так любит, сдавила горло колючей, холодной проволокой.

Из кухни доносились голоса родителей — они говорили громко, перебивая друг друга, и в их интонациях слышалось напряжение, как перед грозой, когда воздух становится тяжёлым и неподвижным. Макс замер у двери, прислушиваясь, и с каждым словом его надежда таяла, как лёд в горячей воде. Уже у самой кухни он окончательно понял: Джесси ничего не придумала, это была чистая, горькая правда, от которой хотелось зажмуриться и закричать: «Нет, не надо!» Но вместо крика он тихо, почти шёпотом, будто боялся спугнуть эту реальность, переспросил:

— Это что, правда? — в его голосе дрожала надежда услышать отрицательный ответ, такой простой и спасительный: «Да шутим мы, Макс, не переживай». — Мы переезжаем?

Родители обернулись и посмотрели на сына. В их взглядах было столько невысказанного, столько осторожной, почти болезненной заботы, что у Макса внутри всё сжалось ещё до того, как прозвучали первые слова. Мама стояла у окна, где утренний свет ложился на её волосы тонкими золотыми нитями, и в этом свете она вдруг показалась ему не такой сильной, как всегда. Папа замер у книжного шкафа — он будто специально выбрал это место, чуть в стороне, чтобы не давить, чтобы дать маме пространство для самого трудного разговора. Он знал: только она сможет сказать эту новость так, чтобы в ней было не просто «надо», а «я понимаю, как тебе тяжело». Они знали, что для него это будет совсем не в радость. Знали, как сильно он любит этот город — с его знакомыми улицами, по которым он мог ходить с закрытыми глазами, с парком, где каждое дерево было частью его истории, с кафе у остановки, где ему всегда давали лишнюю печенюку. Знали про школу, про друзей, с которыми они строили планы на лето и

делились секретами. Для Макса этот город был не просто местом, а целым миром, в котором он чувствовал себя на своём месте.

Но у них не было выбора. Переезд был обязателен, и тут ничего не поделаешь: папину работу перевели в другой филиал, условия были жёсткими, сроки — короткими, а отказывать в таких случаях не принято. Это решение далось родителям нелегко: они неделями обсуждали его по вечерам, когда думали, что Макс уже спит, взвешивали все «за» и «против», пытались найти хоть какой-то выход, но каждый раз упирались в одну и ту же стену. И теперь им предстояло сказать об этом сыну — и увидеть, как рушится его маленький, такой хрупкий мир.

Мама медленно подошла к Максy, её шаги были тихими, будто она боялась спугнуть его, как пугливого зверька. Она села на рядом стоящий стул — тот самый, на котором он когда-то сидел, когда разбивал коленку и она осторожно промывала рану, тихо приговаривая, что всё заживёт. Теперь ей нужно было сделать куда более болезненную вещь: ранить его словами. Мальчик заметил, как сложно ей было начать этот разговор с ним. Её губы чуть дрогнули, она сделала глубокий вдох, словно собиралась нырнуть в холодную воду, взяла сына за руку и на секунду закрыла глаза, будто пыталась найти внутри себя нужные слова — не те, что звучат правильно, а те, что смогут хоть немного смягчить удар.

— Макс, — наконец тихо произнесла она, и её голос, обычно такой уверенный и бодрый, звучал непривычно мягко, почти беззащитно. — Нам нужно кое-что тебе сказать. Это непросто..., и я очень не хочу, чтобы ты думал, что нам всё равно. Нам не всё равно. Совсем не всё равно. Да, милый, это правда. Знаю, как тебе сложно это понять, но всё это к лучшему. И знаешь, что, Макс? У нас будет свой дом! — она улыбнулась, и в этой улыбке было столько старания быть радостной, что она казалась почти хрупкой, будто могла рассыпаться от любого резкого звука. — Помнишь, как ты мечтал о собственном доме?

— А как же мои друзья? — обиженно спросил мальчик, и на его глазах появились слёзы, крупные, тяжёлые, которые не скатывались по щекам, а просто стояли в глазах, делая взгляд по-взрослому серьёзным и бесконечно грустным. — Мне их всех забыть?

— Ты же можешь звонить им хоть каждый день, общаться по видео.

— Но ты же понимаешь, что это совсем не то, мам...

Макс грустно посмотрел на родителей, и в этом взгляде было столько невысказанного, столько вопросов, на которые не существовало правильных ответов, что у мамы внутри всё сжалось. Он медленно, будто ноги стали вдруг в два раза тяжелее, развернулся и ушёл к себе в комнату. Дверь он прикрыл не хлопнув, а очень тихо, почти бережно, и от этого тихого щелчка замка маме стало ещё больнее — будто он не злился, а просто хотел спрятаться, чтобы никто не видел, как ему плохо.

Тишина, наступившая после этого, была не пустой, а густой, наполненной невыплаканными слезами и общими переживаниями. Мама заплакала, не сдерживаясь, не пытаясь спрятать лицо, потому что сил на это уже не осталось. Она понимала, каково это — начинать всё сначала. Ведь в детстве ей тоже пришлось это пережить: новый город, новая школа, чужие лица в коридорах, которые смотрели на неё с любопытством или равнодушием, и долгие вечера, когда она сидела у окна и ждала, что кто-нибудь постучит в дверь и позовёт гулять. Она помнила это чувство, когда кажется, что весь мир вдруг стал огромным и холодным, а ты в нём — совсем один.

К ней подошёл папа, в его движениях была та особая, бережная неторопливость, которая появляется, когда хочется не просто успокоить, а буквально забрать чужую боль себе. Он сел на корточки, взял её мокрые от слёз ладони и прижал к своим щекам — тёплым, чуть колючим от утренней щетины.

— Не переживай, родная, всё наладится, — очень ласково и уверенно говорил папа, глядя ей прямо в глаза, будто хотел, чтобы она не просто услышала эти слова, а почувствовала

их правдивость. — Макс ещё ребёнок, он быстро привыкнет к новому дому. Там будет новая школа, новые друзья, новые впечатления. Вот увидишь, через месяц он ещё спасибо скажет.

Мама посмотрела на него, глубоко вздохнула, словно пыталась вобрать в себя эту уверенность, и, медленно вытерев слёзы краешком рукава, улыбнулась. Ей стало гораздо легче от папиных слов, от этой спокойной силы, которую он умел дарить одним только своим присутствием.

— Да, ты прав, там будут новые впечатления. Ладно, пойду ещё поговорю с Максом, и будем собирать вещи.

Войдя в комнату сына, она увидела, что он лежит на кровати, уткнувшись в подушку. Она медленно подошла и села рядом с ним. Погладила его по голове, перебирая пальцами мягкие, чуть взъерошенные волосы и вполголоса сказала:

— Любимый мой мальчик, ты же знаешь, как сильно мы с папой любим тебя и ни в коем случае не хотели сделать тебе больно. Ты даже не представляешь, каких сил мне стоило сказать тебе об этом. Каждый раз, когда приходится сообщать что-то такое, внутри всё сжимается, потому что хочется оградить тебя от любых трудностей, а тут сама же и приношу эту новость.

Она помолчала, собираясь с мыслями, а потом продолжила, вспоминая те далёкие годы, когда сама была такой же растерянной и испуганной:

— Когда я была маленькой, мы с родителями очень часто переезжали. И ты знаешь, за восемь лет мне пришлось сменить школу четыре раза. Ты представляешь, сколько раз мне приходилось заново учиться находить общий язык с одноклассниками, запоминать дорогу до школы, привыкать к новым учителям и даже к тому, как пахнет в коридоре. Каждый раз это было как начинать жизнь с чистого листа, и каждый раз мне казалось, что я никогда не смогу вписаться, что все будут смотреть на меня как на чужую.

Её голос стал тише, будто она делилась не просто воспоминаниями, а чем-то очень личным, спрятанным глубоко внутри:

— Но знаешь, что в этом было хорошего? У меня было очень много друзей. В каждой школе, в каждом городе находились ребята, с которыми мы быстро находили общий язык, вместе придумывали игры, делились секретами, поддерживали друг друга. И сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что эти переезды научили меня быть смелее, не бояться нового, видеть в переменах не только сложности, но и возможности. Это огромный плюс в данной ситуации, правда. И я верю, что и для тебя это станет чем-то таким же — возможностью открыть для себя целый мир, который ты раньше не замечал.

Макс медленно сел и посмотрел на маму.

— А где мы там будем жить? — тоскливо поинтересовался мальчик, и в его голосе прозвучала не капризная обида, а тихое, почти беззащитное недоумение. Ему всё ещё казалось, что этот переезд — какая-то ошибка, нелепый сон, который вот-вот рассеется, стоит только хорошенько встряхнуться.

— Там у нас будет свой собственный дом. Дом моей бабушки, — улыбнувшись, ответила мама. Она осторожно поправила смятую простыню, будто этим простым движением хотела всё расставить по местам. В её глазах светилось столько надежды, что Макс невольно почувствовал себя виноватым за свою угрюмость. Она заметила, что он понемногу свыкается с мыслью о переезде, что в его взгляде уже не было прежнего острого протеста, а только усталость и растерянность — и это её очень обрадовало.

— Прости меня, мам, что я так повёл себя... Я не хотел обидеть вас с папой, просто мне ещё очень сложно в это поверить, — опустив голову, еле слышно произнёс мальчик. Его пальцы теребили край одеяла, словно искали в нём опору, какое-то привычное, знакомое ощущение, которое помогло бы удержаться на месте, когда всё вокруг сдвигается с привычной колеи.

— Я всё понимаю, — тихо сказала мама и мягко положила ладонь ему на плечо. Её рука была тёплой и твёрдой, и от этого прикосновения тревога в груди Макса чуть-чуть отступила.

— Вот увидишь, тебе там понравится. Будешь обустраивать свою новую комнату, выберешь, где поставить стол, куда повесить постеры... Найдёшь новых друзей, и грусть пройдет.

Макс поднял глаза, пытаясь разглядеть в маминых словах хоть крупицу той уверенности, которая в них звучала.

— Наверное ты права. А когда мы переезжаем?

— Мы должны успеть к началу школьных занятий.

— То есть у нас одна неделя? — Макс невольно сглотнул. Неделя казалась одновременно и бесконечно долгой, и до смешного короткой — будто времени должно хватить на всё, но его явно не хватит ни на что.

— Да, всего неделя, а работы ещё очень много, — вздохнула мама, но тут же снова улыбнулась, стараясь не показывать, как сильно она волнуется. — Но мы справимся. Вместе.

Макс улыбнулся и обнял маму — крепко, по-детски доверчиво, уткнувшись лицом в её платье.

— Поможешь нам с папой со сборкой вещей? — довольным голосом спросила мама, обнимая его в ответ и на мгновение прижимая к себе, будто хотела этим объятием передать ему часть своей уверенности.

— Конечно, — с натянутой улыбкой, но уже с более хорошим настроением ответил Макс.

«Спустя неделю изнурительных сборов мы наконец въезжали в наш новый маленький городок. Он казался тесным и каким-то настороженным: ряды одноэтажных и двухэтажных домов жались друг к другу, а их оконные проёмы глядели на меня, словно огромные немигающие глаза, готовые поглотить любого чужака. В груди ворочалось глухое, тяжёлое чувство — совсем не похожее на предвкушение новой жизни.

«Где мы? Зачем мы здесь? Нет, нет, это неправда... Увезите меня обратно, домой!» — мысленно твердил я, вцепившись пальцами в край сиденья. Город будто не хотел принимать нас, и каждый его угол казался чужим и неприветливым.

Спустя ещё несколько минут бесконечных разъездов по узким улочкам машина наконец остановилась возле ничем не примечательного дома. Неужели это он? Сердце ёкнуло: неужели именно здесь нам предстояло начать всё заново?

Этот дом, когда-то принадлежал маминой бабушке. Она ушла из жизни, когда маме едва исполнилось восемнадцать, и дом по наследству перешёл к ней. Строение было старым, но не безнадёжным — в нём вполне можно было жить, стоило лишь вложить немало сил в ремонт.

Дом оказался небольшим, но двухэтажным, с чуть покосившейся крышей и потемневшими от времени досками. Едва мы переступили порог, как нас окутал особенный запах — смесь пыли, застоявшегося воздуха, выцветших обоев и старой древесины, будто само время оставило здесь свой терпкий след.

Гостиная — самое просторное помещение на первом этаже — казалась застывшим осколком прошлого. Она была плотно заставлена старой мебелью, покрытой толстым слоем пыли, словно её нарочно укутали в серое покрывало забвения. Тяжёлые бархатные портьеры, когда-то, наверное, роскошные, теперь выцвели почти до серого оттенка и почти не пропускали свет, создавая в комнате тягучий полумрак. В центре стоял большой дубовый стол — мамина бабушка рассказывала, что за ним в праздники собиралась вся семья: смеялись, спорили, делились новостями, и воздух звенел от голосов и счастья. Теперь же он выглядел одиноким и немного грустным. На стенах висели потемневшие фотографии в простых рамках: на них были изображены незнакомые мне люди — родственники бабушки, чьи лица казались призрачными и далёкими, словно они принадлежали другому миру.

Кухня оказалась небольшой, но удивительно уютной, несмотря на свой почтенный возраст. Старая плита, похожая на музейный экспонат, угрюмо стояла в углу, рядом с массивным буфетом, до отказа набитым посудой: вычурными чашками, потёртыми тарелками, стеклянными вазочками, каждая из которых хранила частичку семейной истории. На стенах тяну-

лись полки, уставленные разнокалиберными банками — казалось, каждая из них шептала свою маленькую историю.

Ванная комната выглядела самой «современной» частью дома — хотя и ей отчаянно требовался ремонт. Старая ванна с пожелтевшей эмалью притаилась в углу, словно стыдясь своего вида, а рядом стоял умывальник с потрескавшейся раковиной. Трубы вздыхали и шумели, издавая странные, почти жалобные звуки, будто ворчали на свой преклонный возраст и не хотели мириться с тем, что их время прошло.

Спальня на первом этаже была маленькой и очень скромной. Простая деревянная кровать стояла в центре комнаты, укрытая пыльным покрывалом, которое, казалось, не трогали годами. Рядом приютилась небольшая тумбочка, а на ней — пожелтевшая фотография молодой женщины: маминой бабушки. Её улыбка была такой живой, такой тёплой, что на мгновение мне показалось, будто она смотрит прямо на меня и тихо говорит: «Не бойся, здесь будет хорошо». Воздух в комнате был пропитан едва уловимым запахом лаванды и старой древесины — запахом времени, запахом жизни, которую дом бережно хранил в своих стенах.

Когда мы с мамой поднялись по лестнице на второй этаж, она протестующе скрипнула, словно старая колыбель, качающая воспоминания. Каждый шаг отдавался глухим эхом, и в этом звуке слышалось прошлое — голоса, смех, шаги, которые, когда-то наполняли эти комнаты.

Стоя наверху, мы поняли: работы предстоит невероятно много. Но в этом была и своя награда: шанс вдохнуть в эти стены новую жизнь, наполнить их смехом, разговорами, теплом — и при этом не потерять, не стереть память о прежней жизни, о тех, кто когда-то любил этот дом и жил в нём.»

Сегодня...

Он снова сжал лямки рюкзака, глубоко вдохнул прохладный воздух и шагнул вперёд, стараясь не замечать, как мама стоит у порога, провожая его взглядом, в котором смешались тревога и надежда. Этот день только начинался, и пока никто не знал, каким он окажется — тяжёлым испытанием или первым шагом к чему-то хорошему.

— Ну все, мам, я побежал! Опаздываю ужасно, — поцеловал маму в ответ и выскочил за дверь.

Макс мчался, сломя голову, и в своей спешке совсем не смотрел по сторонам. Как вдруг, врезался в девочку, которая, погрузившись в предвкушение любимых мелодий, включала музыку на телефоне. От толчка он вылетел у нее из рук и звонко ударился о тротуар.

— Ох, прости пожалуйста! Я тебя не заметил, — с искренним раскаянием проговорил мальчик и кинулся поднимать злополучный гаджет.

— Смотри куда идешь! Это же мой новый телефон! Если он сломался, мне не жить, папа меня живьем закопает!

Макс, чувствуя себя виноватым до глубины души, осторожно повертел телефон в руках, всматриваясь в экран, выискивая хоть одну предательскую трещину. Сердце стучало, где-то в горле, а перед глазами мелькали картины: вот отец девочки строго смотрит на него, вот она плачет, вот он сам пытается объяснить, что это вышло случайно...

— Вроде бы цел... — выдохнул он наконец, стараясь, чтобы голос звучал уверенно, хотя внутри всё дрожало.

— Дай сюда! — девочка лихорадочно включила телефон. Фух, работает! Слава Богу!

— Прости меня, пожалуйста! Я правда не хотел...

— Да ладно, забудь. Мне пора, я в школу опаздываю, — она резко рванула вперед.

— Стой! А можно с тобой? Я тут новенький, никого и ничего не знаю, — выпалил Макс, сам удивившись, как громко прозвучал его голос.

Девочка на секунду остановилась, склонила голову набок, будто оценивая его, и вдруг чуть заметно кивнула.

— Ладно, пошли. Меня, кстати, Лили зовут, а тебя?

— Макс. Давно здесь живёшь? — спросил он, стараясь говорить спокойно, хотя сердце снова заколотилось, но теперь уже от чего-то похожего на предвкушение.

— Нет, мы с родителями месяц назад переехали, так что я здесь тоже как белая ворона. Всё ещё не могу запомнить, где какой поворот, и каждый день кажется, что вот-вот заблужусь.

— Лили пожала плечами, и в этом простом движении было столько понимания, что Макс невольно выдохнул, будто с плеч свалился камень.

— А мы только вчера переехали, даже вещи ещё не разобрали. Папа здесь работу получил. Поэтому придется жить здесь, — с тяжелым вздохом промолвил мальчик.

— Понятно, — спокойно сказала девочка, и они пошли рядом, подстраиваясь под шаг друг друга. Их тени тянулись по тротуару, сплетаясь и снова расходясь, а утренний ветер шевелил листья на деревьях, будто шептал, что всё не так страшно, когда ты не один.

— Совсем немного осталось. Вот и наша школа, — Лили указала вперёд, где за поворотом уже виднелось знакомое здание.

Она поражала своими размерами. Огромная, в два этажа, она возвышалась, словно крепость знаний. Насыщенный темно-красный цвет стен контрастировал с белоснежными рамами больших окон. Вокруг раскинулись могучие деревья, создавая уютную тень. А прямо перед входом журчал прекрасный круглый фонтан: вода тонкими струйками поднималась вверх и с тихим плеском опускалась обратно в чашу, выложенную гладкими камешками.

— Да, для нашего города — просто дворец! — тихо пробормотал Макс, задрав голову и пытаясь охватить взглядом всё здание сразу. Ему казалось, что он стоит перед чем-то огромным и непостижимым, как перед древней крепостью, чьи тайны придётся разгадывать день за днём.

— Ну, пойдём, — с легким подталкиванием в плечо поторопила его девочка. В этом жесте не было ни спешки, ни раздражения — только тихое понимание: она и сама стояла на этом месте, чувствуя себя не в своей тарелке.

Несмотря на то, что был первый учебный день, школа уже гудела жизнью. Старшеклассники расхаживали по лужайке с уверенным видом, будто твёрдо знали, что им тут самое место. Кучка девятиклассников сбилась в тесный кружок, в десятый раз сверяя расписания. Где-то сбоку парни громко спорили о предстоящем футбольном матче — их голоса разносились по всему двору. У всех уже были свои дела, свои люди, свой ритм — и Максу вдруг отчаянно захотелось стать частью этого привычного шума, а не оставаться снаружи, глядя на всё через стекло.

Внутри школа впечатляла ещё сильнее. Потолки уходили высоко вверх, украшенные витиеватой лепниной, которая явно повидала не одно десятилетие. С них свисали старинные люстры — их явно регулярно чистили, но всё равно чувствовалась их почтенная давность. Широкие коридоры разбегались в разные стороны, уставленные рядами шкафчиков выцветшего голубого цвета; на стенах висели доски объявлений, сплошь заклеенные листовками о секциях, спортивных матчах и школьных распродажах выпечки.

Шум накрыл Макса волной: наслоение сотен голосов, хлопанье дверец шкафчиков, топот ног ребят, которые неслись по коридору, чтобы успеть до звонка. В воздухе витал особенный школьный запах — меловая пыль, старые учебники, антисептик, запах кроссовок и ещё что-то неуловимо учебное.

Макс шёл следом за Лили, стараясь не отставать и при этом незаметно подмечать всё вокруг: номера кабинетов, стрелки, указывающие путь к спортзалу и столовой, витрину с кубками, где поблёскивали награды за спортивные победы прошлых лет. Сердце колотилось в груди, и в этом ритме смешивались страх и любопытство. Что ждёт его здесь? Сможет ли он

влиться в этот новый мир, отыскать свой уголок, завести друзей, с которыми будет по-настоящему легко? Или так и останется новеньким — тем, кого все замечают, но никто по-настоящему не видит...

— У нас сейчас алгебра. Кабинет двести пять. Скорее всего, на втором этаже, пошли.

Макс, доверившись ей, двинулся следом.

Поднимаясь по широкой лестнице на второй этаж, Макс невольно замедлил шаг. Каждый звук, каждый взгляд казался ему значимым. Он чувствовал, как его руки начинают слегка дрожать. Но рядом была она – его новая подруга, ее уверенный взгляд и легкая улыбка придавали ему сил и уверенности.

— Ну вот, двести пятый, — пробормотала Лили, и в её голосе всё-таки скользнула едва уловимая дрожь.

Дверь кабинета была приоткрыта, из щели тянулась полоска света, а изнутри доносились приглушённые голоса — кто-то смеялся, кто-то перешёптывался. Макс глубоко вдохнул и, почувствовав легкое подталкивание в спину, шагнул внутрь.

— Фух, успели, — выдохнула Лили с явным облегчением, будто тяжёлый груз свалился с плеч. Она опустила их, словно наконец позволила себе расслабиться, и бросила на Макса короткий взгляд: мол, первый рубеж пройден.

Они вошли в класс, где уже собрались все ученики. Свободными оставались лишь несколько последних парт в самом конце комнаты — будто специально отведённые для тех, кто всегда оказывается чуть в стороне от общего круга. На удивление, в классе царила тишина, обычно несвойственная таким моментам. Но сейчас ребята, будто предчувствуя что-то важное, тихо переговаривались между собой, понизив голоса до шёпота, и в этом приглушённом шуме чувствовалось напряжение — словно все ждали, как развернутся события.

Кто-то остался равнодушен к их появлению: один парень, сидевший у окна, продолжал листать что-то в телефоне, будто ничего не происходило, а девочка в первом ряду даже не подняла головы от тетради, но многие обернулись, чтобы рассмотреть новых учеников – Макса и Лили. В их взглядах читалось любопытство, смешанное с легким пренебрежением. Они оценивающе осмотрели их с ног до головы, но промолчали, словно взвешивая, стоит ли тратить слова на этих новичков.

Макс почувствовал, как внутри него закипает смесь неловкости и вызова. Этот оценивающий взгляд толпы, словно сканером, прошелся по нему, выхватывая каждую деталь: Старые джинсы, поношенные кроссовки, чуть взъерошенные волосы. Он невольно поправил лямку рюкзака, будто пытаясь спрятаться за ним от этих пристальных глаз, и на секунду замер, не решаясь сделать следующий шаг. Ему казалось, что все в классе слышат, как громко стучит его сердце, и это делало его ещё более заметным. Лили держалась чуть увереннее, но мальчик видел, как дрожат ее руки.

Они прошли к свободным партам, ощущая на себе тяжесть взглядов. Каждый шаг отдавался гулким эхом в этой звенящей тишине и Максу казалось, что даже скрип его кроссовок звучит слишком громко, слишком неправильно. Садясь, он украдкой оглянулся, стараясь не делать это слишком заметно, чтобы никто не подумал, будто он ищет чьего-то одобрения. И в одном из взглядов, среди всей этой настороженности и безразличия, он заметил нечто иное — тень сочувствия, проблеск понимания. Это был взгляд мальчика в середине класса: он не пялился, не ухмылялся, просто посмотрел на Макса чуть дольше остальных, и в его глазах мелькнуло что-то знакомое — будто он сам, когда-то стоял на этом месте, чувствуя себя чужим. В этом взгляде не было ни насмешки, ни высокомерия — только тихое «я знаю, каково это». И от этого короткого, почти незаметного контакта внутри у Макса что-то чуть-чуть расслабилось. Может быть, не все здесь были чужими? Может быть, где-то среди этих настороженных лиц прятались те, кто однажды станет друзьями?

Лили тихонько вздохнула, придвигаясь ближе. Она видела, как ее друг нервничает.

— Всё будет хорошо. Не обращай внимания, привыкнут, — прошептала она, и в её голосе звучала такая нежность и поддержка, что слова будто обволакивали, как тёплый плед в холодный вечер. Она слегка коснулась его локтя — совсем на мгновение, но этого хватило.

Мальчик почувствовал, как ее тепло медленно разливается по его телу, изгоняя холод неуверенности. Плечо Лили стало для него чемто вроде якоря в этом штормящем море чужих взглядов. В этот момент он вдруг ясно понял: он не один. Есть человек, который разделит с ним этот новый, пугающий мир.

В ту же секунду раздался резкий, пронзительный звонок — такой, какой бывает только в школе: громкий, властный, не терпящий возражений. Дети мгновенно вскочили со своих мест, стулья с грохотом отодвинулись, в воздухе повисло то самое короткое, лихорадочное оживление, которое всегда накрывает класс перед началом урока. Кто-то торопливо закидывал вещи в рюкзак, кто-то перебрасывался последними фразами, кто-то поправлял одежду, будто пытаясь за эти несколько секунд стать чуть увереннее. И вот в класс вошла учительница — высокая, стройная женщина с короткой, аккуратно уложенной стрижкой, в которой серебрились тонкие нити седины. На вид ей было около шестидесяти, не меньше, и в её осанке чувствовалась та спокойная уверенность, которая приходит с годами и опытом. На ней был тёмно-синий пиджак, строгий, но не суровый, а на шее — тонкая нитка жемчуга, придававшая её облику едва уловимую мягкость.

— Здравствуйте, дети, садитесь, — произнесла она ровным, хорошо поставленным голосом. В нём звучала привычная строгость, которую вырабатывают за долгие годы преподавания, но в глубине её глаз таилась тёплая искорка доброты — та самая, которая даёт понять: она строга не из вредности, а потому что хочет, чтобы всё шло как надо.

Она обвела класс спокойным взглядом, будто проверяя, все ли на месте, все ли готовы к уроку, и затем её взгляд остановился на Максе и Лили.

— У нас двое новеньких ребят. «Давайте поприветствуем их», — сказала она мягко, но достаточно громко, чтобы услышали все.

Ребята, ощущая неловкость, поднялись со своих мест. Стулья чуть скрипнули, кто-то неловко переступил с ноги на ногу, а в классе повисла та самая звенящая тишина, когда все одновременно хотят и посмотреть, и сделать вид, что не смотрят.

— Здравствуйте! — с энтузиазмом отозвалась Лили, расправив плечи и будто пытаясь вложить в этот привет весь свой запас уверенности. — Меня зовут Лили, мы с семьёй переехали из Сан Диего.

Её голос прозвучал чуть громче, чем нужно, и по классу прокатился тихий шёпот: кто-то хмыкнул, кто-то наклонился к соседу, чтобы что-то прошептать. Макс краем глаза заметил, как один парень в третьем ряду закатил глаза, а девочка рядом с ним тихо хихикнула, прикрыв рот ладонью.

— Здравствуйте, — робко начал мальчик, чувствуя, как слова застревают в горле и выходят какими-то сухими и чужими. — Меня зовут Макс. Мы переехали из Сиэтла. Папа получил здесь работу, и теперь я буду учиться с вами.

Он старался смотреть прямо, на учительницу, чтобы не встречаться взглядом с одноклассниками, но всё равно ловил на себе эти быстрые, оценивающие взгляды — будто его проверяли на прочность. Ему казалось, что все видят, как дрожат его пальцы, как он нервно сжимает и разжимает их, пытаясь унять дрожь.

— Рады знакомству, Лили и Макс. Садитесь, пожалуйста, — спокойно и доброжелательно произнесла учительница, чуть склонив голову. Её голос мягко рассеял напряжение, и ребята медленно опустили на свои места, будто только сейчас разрешили себе снова дышать.

Одноклассники ещё несколько секунд продолжали окидывать новеньких оценивающими взглядами, а потом, один за другим, стали отворачиваться: кто-то достал телефон и сделал вид, что проверяет сообщения, кто-то принялся перебирать ручки в пенале, кто-то снова уткнулся

в учебник. В этом движении было что-то почти облегчённое: знакомство состоялось, можно было вернуться к привычному распорядку.

Учительница подошла к доске и начала писать дату и тему урока чёткими, уверенными движениями. Мелок поскрипывал, оставляя на тёмно-зелёной поверхности белые полосы, и этот привычный звук постепенно возвращал класс к будничной рутине.

Макс и Лили переглянулись — в этом коротком взгляде уместилось сразу всё: и «ну вот, пережили», и «что дальше?», и тихое «я рядом». Они открыли тетради, достали ручки и принялись старательно переписывать вслед за учительницей, выводя буквы чуть крупнее обычного, будто хотели, чтобы эти ровные строчки стали для них опорой. Макс старался сосредоточиться на словах, но краем глаза всё равно замечал, как сосед по ряду что-то шепчет, как кто-то тихо посмеивается, и от этого ему хотелось писать ещё старательнее, чтобы доказать хотя бы самому себе, что он может быть таким же, как все.

Казалось, урок тянется бесконечно долго. Минуты ползли медленно, как будто кто-то нарочно замедлил время. Каждый скрип стула, каждый шорох тетради, каждый тихий смешок отдавались в голове Макса особенно громко, и он всё сильнее вжимал плечи, стараясь стать незаметнее.

Наконец прозвенел звонок — резкий, долгожданный, словно освобождающий. После того как учительница отпустила класс, все начали собираться. В классе снова поднялся привычный гул, и напряжение, висевшее в воздухе всё это время, понемногу начало рассеиваться.

— Кажется, мы не всем здесь нравимся, — прошептал Макс Лили на ухо, незаметно указывая взглядом на одноклассников: на ту самую девочку, которая всё ещё поглядывала на них с лёгким пренебрежением, и на парня, который демонстративно отвернулся, будто не хотел даже случайно встретиться с ними глазами.

— Не парься, привыкнут, — ободряюще ответила Лили, чуть пожав плечами, но в её голосе всё же проскользнула тень усталости — будто и ей было не так легко, как она старалась показать. — Пошли, у нас сейчас физика. Терпеть её не могу.

— Пошли, — тихо согласился Макс, застёгивая рюкзак.

Покинув класс, ребята старались держаться вместе, будто боялись, что если разойдутся хоть на шаг, то этот хрупкий островок безопасности тут же растворится в шумных школьных коридорах. Толпы учеников неслись мимо, кто-то смеялся, кто-то спорил, кто-то торопливо листал учебник, пытаясь за пять минут перемены выучить полглавы. Для Макса и Лили этот гул казался чужим, немного враждебным, и только их общая неловкость и одиночество связывали их крепче любой верёвки. На перемене, в классе физики, словно утоляя жажду общения, они делились сокровенным — говорили о мелочах: о любимых напитках, о том, какие завтраки им готовили дома, о своих страхах и надеждах. И радость от того, что есть кто-то, кто слушает и не смеётся, согревала их сердца, прогоняя холод чужого места.

Звонок резко возвестил о начале урока, и они замерли у парт, на секунду задержав дыхание, как перед прыжком в холодную воду. Учительница физики встретила их приветливой улыбкой — в её глазах не было ни удивления, ни осуждения, только спокойное «добро пожаловать». Урок промчался мгновенно, будто кто-то незаметно ускорил время: формулы и законы сменяли друг друга, доска покрывалась строками уравнений, а Макс и Лили, хоть и не всё понимали, старались не отставать, ловя каждое слово.

А потом пришла информатика. Заняв свободные места, они с грустью обнаружили, что сидят порознь: Макс — на среднем ряду, Лили — у окна, в другом конце класса.

На мгновение их взгляды встретились, и в этом коротком обмене было столько невысказанного: «Не теряйся», «Я тут», «Мы ещё увидимся». Но стремление к дружбе было сильнее расстояния. Они тут же решили, что не будут сидеть молча, и первым делом познакомятся с новыми соседями по парте.

Макс украдкой поглядывал на соседку, замечая, как она сосредоточенно хмурит брови, пытаясь понять сложную тему. Её пальцы быстро бегали по клавиатуре, а на полях тетради она делала крошечные пометки, вырисовывая рядом с формулами маленькие сердечки и звёздочки. В этом странном сочетании серьёзности и детской привычки прятать в скучных вещах что-то своё, было что-то невероятно притягательное.

— Привет. Я Макс, — прозвучало робко, почти шёпотом, чтобы учительница, стоявшая у проектора, не услышала. — Как тебя зовут?

— Стейси, — ответила девочка, чуть приподняв голову, и на её лице мелькнула лёгкая улыбка. В её взгляде не было ни насмешки, ни равнодушия — только спокойное любопытство.

Лили тоже познакомилась со своим новым соседом — Диланом. Он сидел, слегка наклонившись вперёд, будто весь был готов сорваться с места и куда-то бежать. На его пенале красовались наклейки с героями старых видеоигр, а в тетради вместо конспектов были наброски каких-то фантастических существ.

Во время урока ребята иногда болтали — шёпотом, осторожно, стараясь, чтобы учительница их не услышала. Стейси оказалась очаровательной и очень умной: она так просто и понятно объясняла Макс запутанные моменты, что сложные алгоритмы вдруг становились почти понятными. Макс почувствовал мгновенную симпатию, словно встретил родственную душу — того, кто не будет смеяться над его ошибками, а просто спокойно подскажет, как сделать лучше.

Лили, в свою очередь, обнаружила, что Дилан — парень с невероятным чувством юмора. Его шутки были немного нелепыми, но такими заразительными, что она смеялась до слёз, прикрывая рот ладонью, чтобы не привлечь к себе внимание. А его рассказы о приключениях — о том, как он однажды заблудился в соседнем парке и три часа искал дорогу, или как пытался собрать робота из старых деталей и чуть не спалил гараж, — увлекали её в мир фантазий и грёз. Она чувствовала, как между ними устанавливается особая связь, основанная на взаимном уважении и искреннем интересе друг к другу: он не пытался казаться круче, чем есть, а она не боялась быть смешной.

Учебный день завершился настойчивым трезвоном, оставив после себя приятную усталость. После уроков ребята устремились к выходу. Макс и Стейси, Лили и Дилан — четверо новоиспеченных друзей не спешили расставаться. Они задержались возле школы, желая продлить мимолетные мгновения счастья. Ребята были рады, что у них появились друзья. Но, увы, Стейси и Дилан, жили в другой части района. И им пришлось попрощаться. Макс и Лили, полные тёплых чувств, вместе отправились домой. Шаги поначалу давались тяжело — от усталости и переполнявших эмоций, но с каждым шагом становилось легче.

В их сердцах горел огонёк новой дружбы. И пусть расстояние разделяет их со Стейси и Диланом, этот день навсегда останется в памяти — день, когда чужие коридоры стали чуть ближе, а новый город — не таким уж чужим.

— Ну как тебе первый день в школе? — с нескрываемым интересом спросил Макс у Лили.

— Да вроде норм, — с робкой улыбкой ответила девочка, пряча руки в карманы куртки, чтобы скрыть лёгкую дрожь. — Обычно так и бывает, когда переходишь в новую школу. Сначала ты будешь всех бесить одним своим видом, потому что ты новенький, а потом привыкнут. Просто нужно время.

Макс тихо хмыкнул: — Наверное, ты права. А что насчет твоего соседа по парте? Как он?

— Дилан? Он, кстати, классный! — Лили чуть оживилась, и её голос стал звонче, будто одно воспоминание о нём прогоняло остатки неловкости. — Даже помог мне с кое-чем. Думаю, мы подружимся. А как тебе Стейси?

— Она... интересная, — Макс на секунду замялся, подбирая слова, будто боялся сказать, что-то не, то. — Умная и такая... светлая, что ли. С ней спокойно. Не давит, не пытается казаться круче, чем есть.

— Ох, держись, это только начало! — засмеялась девочка.

Спустя десять минут ребята наконец добрались до родной улицы — хотя для обоих она была ещё совсем не родной, но уже начинала казаться чуть ближе, чуть привычнее. Их дома стояли друг напротив друга, разделённые узкой дорогой, по которой изредка проезжали машины.

— Ты здесь живёшь? — удивлённо спросил мальчик, резко остановившись и оглядываясь по сторонам, будто только сейчас заметил эти знакомые очертания домов.

— Да, а ты? — Лили тоже замерла, приподняв брови, и в её взгляде мелькнуло предвкушение чего-то хорошего.

— А я здесь, — кивнув в сторону своего скромного дома буркнул Макс.

— Так мы ещё и соседи, здорово! — обрадовалась Лили, и её глаза засветились так ярко, что Макс невольно улыбнулся в ответ. В этом совпадении было что-то правильное, словно сама судьба подталкивала их друг к другу.

Мальчик тоже был рад такому соседству. Теперь не нужно было переживать, что утром он снова проснётся в этом чужом месте совсем один. Теперь рядом будет Лили — человек, который тоже всё это чувствует, понимает и не станет делать вид, что всё просто.

— Ну ладно, до завтра, — тихо прошептала девочка, пряча взгляд и слегка шаркая носком кроссовка по асфальту. Ей, наверное, тоже не хотелось прощаться, но день уже закончился, и каждый должен был вернуться в свой дом.

— До завтра. Во сколько встречаемся? — Макс постарался спросить как можно спокойнее, чтобы не выдать, как сильно ему хочется, чтобы эта встреча точно состоялась.

— Может в половине восьмого?

— Отлично. До встречи! — Макс кивнул, стараясь выглядеть уверенным.

— До встречи!

Лили ушла домой, а Макс застыл, словно приросший к тротуару, напротив своего нового жилища. Неужели, этот изматывающий, дебютный день в новой школе наконец позади? Он все еще не мог поверить, что теперь его жизнь связана с этим местом, а все его друзья остались далеко, в Сиэтле.

Безусловно, в этом дне были и светлые моменты — новые лица, новые знакомства, что не могло не согревать душу. В памяти Макса тут же всплывали улыбки Лили, спокойный взгляд Стейси, нелепые, но такие заразительные шутки Дилана — и от этих воспоминаний на сердце становилось чуть теплее, будто кто-то незаметно подкидывал поленья в маленький костёр надежды.

Однако тоска по родному Сиэтлу, по уютной комнате с постерами любимых групп на стенах, по верным друзьям, с которыми они каждый день после школы бежали к набережной, терзала его изнутри, острыми иголками впиваясь в грудь при каждой попытке привыкнуть к новому. Этот дом... Как же сложно было принять мысль, что именно здесь ему предстоит провести годы, вплоть до окончания школы, что эти стены станут его убежищем — или тюрьмой, если он так и не сможет их принять.

Собравшись с духом, мальчик двинулся к дому. Дверь скрипнула, впуская его в полутёмный коридор, где пахло чем-то непривычным — не тем домашним уютом, к которому он привык, а чем-то новым, ещё не ставшим своим. Макс замер на секунду, прислушиваясь к тишине, а потом, будто сбрасывая с себя тяжесть дня, выдохнул:

— Мам, я дома, — взволнованно и грустно произнёс он, бросая рюкзак на пол и вешая куртку на вешалку.

— Здравствуй, дорогой! Ну как ты? Как первый день в школе? — с теплотой спросила мама, выходя из кухни. Она остановилась в дверях, внимательно вглядываясь в лицо сына, пытаясь уловить малейшие изменения в его настроении, прочесть то, что он не скажет вслух.

— Так себе... Ничего особенного, — буркнул он, отводя взгляд.

— Удалось с кем-нибудь познакомиться? — мягко спросила мама, не настаивая, но не отпуская ситуацию, потому что знала: если сейчас не вытянуть из него хоть что-то, он уйдёт в себя ещё глубже.

— Да, с девчонкой, живёт напротив. Зовут Лили, — коротко ответил Макс, всё ещё не поднимая глаз.

— Так это же здорово. И как она тебе, симпатичная? — улыбнувшись спросила мама, пытаясь разрядить обстановку.

— Мам, перестань. Девчонка как девчонка. Нормальная, — Макс чуть поморщился, будто сама мысль о том, что мама может подумать, что-то лишнее, была ему невыносима. — Завтра вместе в школу пойдём.

— Ну и отлично. Ты голоден? Пошли обедать.

— Можно я попозже? Что-то я устал после первого дня в новой школе, — съязвил мальчик.

Мама понимала, как ему сложно привыкнуть к новому месту жительства, и старалась не задевать его лишней раз, не давить вопросами, не требовать той радости, которой он пока не чувствовал. Она просто тихо вздохнула, чуть склонив голову, и сказала:

— Ну ладно, отдохни. Позже пообедаешь. Но и про уроки не забывай.

— Да, мам.

Мальчик схватил рюкзак и медленным шагом поднялся в свою комнату, будто каждая ступень лестницы тянула из него остатки и без того скудных сил. Дверь тихо скрипнула, впуская его в пространство, которое по-прежнему казалось не до конца своим: на столе всё ещё лежали коробки, не распакованные с переезда, на стене висела только одна полка, а на полу — свёрнутый ковёр, который мама обещала расстелить «вот-вот, уже на днях».

На кровати, поджав ноги и уютно устроившись на подушке Макса лежала Джесси и самозабвенно играла на его планшете. Её светлые косички смешно подпрыгивали при каждом резком движении, а на лице застыло то самое выражение полной сосредоточенности, какое бывает у детей, когда весь мир сжимается до размеров экрана. Она так увлечённо тыкала пальцем в игру, что даже не заметила, как Макс вошёл.

— Мам, я же просил не давать Джесси мой планшет! — в голосе Макса звучало раздражение, в котором, впрочем, было больше усталости, чем настоящей злости. Он провёл ладонью по лицу, словно пытаясь стереть с себя весь этот длинный день, и уставился на сестру, чувствуя, как внутри поднимается волна несправедливости: даже его личное пространство, пусть и временное, оказалось под угрозой.

— Я разрешила ей поиграть полчаса. Не сердись.

Макс только вздохнул, но спорить не стал. Вместо этого он повернулся к сестре: — А ну брысь с моей кровати, малявка! — прикрикнул он на Джесси. — Я же тебе не разрешал брать его.

— Мне мама разрешила, — упрямо повторила Джесси, не отрываясь от экрана, и в её голосе прозвучало то детское, непоколебимое чувство справедливости, когда «мама сказала можно» перевешивает все остальные аргументы.

— А я — нет! Иди мультики смотри, хватит уже.

— Мам, он выгоняет меня из комнаты.

— Оставь сестру в покое. Поиграет ещё 15 минут и вернет тебе твой планшет.

— У тебя пятнадцать минут! — буркнул он, стараясь говорить твёрдо, хотя внутри уже не было столько злости, сколько хотелось показать.

Девочка на секунду подняла на него глаза, а потом, не говоря ни слова, показала ему язык — этот привычный, дерзкий жест, который означал «я тебя не боюсь» и одновременно «ты всё равно меня любишь». Она схватила планшет и, спустившись с кровати, убежала к маме.

— Вот ведь козявка мелкая. Ну подожди, дождёшься ещё у меня, — буркнул себе под нос мальчик, но в этом ворчании не было настоящей злости — скорее привычная бравада, за которой пряталась усталость.

Макс сел за стол, который пока стоял у окна чуть криво, будто ещё не нашёл своего места в этой комнате. Он посмотрел в стекло, и взгляд его невольно скользнул вниз, во двор. Там, на лужайке, Лили играла со своей собакой. Девочка смеялась, бросая ей мячик, и её смех, пусть и не долетал до второго этажа, словно пробивался сквозь стекло, лёгкий и звонкий, как солнечный луч. Макс улыбнулся — тихо, почти незаметно, но эта улыбка была настоящей, не натянутой. Радость от того, что у него появилась подруга, на мгновение прогнала серость дня, как солнце разгоняет утренний туман.

Через какое-то время он вспомнил, что нужно делать уроки, а он ещё даже не обедал. Рюкзак так и валялся у двери, а тетрадки, которые он с такой старательностью раскладывал утром, теперь казались чужими и ненужными. Мальчик медленно спустился вниз, перешагивая через третью ступеньку, которая поскрипывала особенно громко, и уже на подходе к кухне почувствовал знакомый, родной запах.

На кухне стоял аромат его любимой свежеприготовленной жареной курочки — с хрустящей золотистой корочкой, пахнувшей чесноком и травами. Этот запах был из прежней жизни, из тех вечеров, когда после школы он вбегал домой, скидывал рюкзак и первым делом бежал на кухню, зная, что там его ждёт что-то тёплое и своё. Но сегодня даже он не мог разогнать тоску, поселившуюся в его сердце. Тоска была тяжёлой, вязкой, она оседала, где-то под рёбрами и мешала дышать полной грудью.

— Мам, я поем? — тихо спросил он, стоя в дверях и теребя край футболки, будто этот жест мог придать ему уверенности.

— Конечно, давно пора. Я сегодня специально для тебя приготовила твою любимую курочку с пюре. Садись за стол, — мама тут же повернулась к нему, и в её глазах было столько заботы, что у Макса на секунду защемило в груди. На столе уже стояла тарелка, рядом — стакан молока, а на краю — маленькая салфетка с вышитым цветочком, которую он помнил ещё с Сиэтла.

Мама, заметив его подавленное состояние — ту самую неловкую скованность, с которой он старался казаться взрослым и сильным, — тихо подошла и обняла его, крепко, но бережно, словно боялась сломать. В её объятиях он снова почувствовал себя маленьким мальчиком, которому не нужно ничего доказывать, не нужно быть смелым и стойким. Это было как кокон: тёплый, мягкий, защищающий от всех ветров и бурь, где нет места печали и разочарованию.

— Все будет хорошо, — прошептала она, глядя его по волосам. — Я знаю, как тебе сейчас тяжело. Но мы справимся, вместе.

Эти слова, простые и искренние, тронули его до глубины души. Он прижался к маме крепче, чувствуя, как слёзы подступают к глазам и щиплют веки, грозя вот-вот пролиться. Он так скучал по прежней жизни: по своему старому району, где каждый переулок был знаком, по двору, где они с друзьями до темноты гоняли мяч, по своей комнате, где на полке стояли фигурки, собранные годами, а на стене висела карта мира, вся утыканная булавками с мечтами о будущих путешествиях. Всё это теперь казалось далёким, почти нереальным сном. Но он знал: мама всегда будет рядом, поддержит и поможет пройти через любые трудности — даже если сам путь будет казаться бесконечным.

— Папа ещё не вернулся? — тоска звучала в каждом слове, и голос Макса чуть дрогнул, будто ему было стыдно показывать эту слабость, но он не смог её скрыть.

— Нет, солнышко, у папы теперь новый график, он заканчивает только в шесть вечера, и еще дорога... — мамин голос был полон сочувствия.

— Понятно... Спасибо за курочку, мам, — прошептал он, потерянный в своих мыслях.

— Не за что, дорогой. Приятного аппетита, — она улыбнулась, но в этой улыбке Макс заметил тень собственной усталости: на маминых плечах тоже лежала тяжесть переезда, только она старалась не показывать её, прятала за заботой и домашними делами. — Я пойду пока займусь разборкой вещей, а ты поешь и сразу за уроки, ладно?

— Хорошо, — тихо отозвался он, не поднимая глаз.

— И кстати, на выходные никаких планов. Надо столько всего разобрать и прибрать... Все эти коробки... я боюсь, что, если мы их не тронем, они пустят корни и станут частью интерьера.

— Ну мам... Я хотел погулять по городу, всё посмотреть, — грустно произнёс мальчик, и в его голосе прозвучала вся та надежда, которую он лелеял весь день: пройтись по незнакомым улицам, заглянуть в маленькие магазинчики, найти какой-нибудь уютный уголок, который однажды сможет назвать своим.

— Ничего, не последние выходные. Успеешь еще.

Мама ушла в гостиную разбирать коробки, а Макс остался один на кухне. Он смотрел на тарелку и понимал, что у него совсем нет аппетита. Задумчиво ковыряясь вилкой в пюре, он вспоминал, как хорошо было дома, за своим столом, на своём родном стуле, который скрипел, если на нём чуть-чуть покачаться. Только сейчас он понял, что самые счастливые дни остались там... Через полчаса он наконец-то опустошил тарелку — не потому, что хотел есть, а потому, что знал: маме будет приятно, если он хотя бы немного поест. Он аккуратно убрал тарелку в раковину, стараясь не шуметь, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания, и на секунду замер, глядя на капли воды, стекающие по фарфору.

— Спасибо, мам. «Я к себе», — тихо сказал он, стоя в дверях и будто спрашивая разрешения уйти в свой маленький мир, где можно было просто выдохнуть и побыть наедине с собой.

— Хорошо, — отозвалась мама из гостиной.

Макс поднялся в свою комнату. Он сел за стол, положил перед собой учебник по алгебре и тяжело вздохнул. Страницы казались серыми и скучными, а формулы — непонятными заколдованными, которые никак не желали складываться в стройную картину. В этот день ему очень не хотелось делать уроки. Мысли снова и снова ускользали от уравнений и возвращались к школе: к тому, как Лили подбадривающе ему улыбалась, к тихому голосу Стейси, терпеливо объяснявшей непонятное, к нелепым шуткам Дилана, от которых хотелось смеяться вопреки всему.

И тут его осенило: возможно, Лили есть в соцсетях. Эта мысль вспыхнула, как маленькая лампочка, прогоняя скуку. Он потянулся за планшетом, который уже успел остыть после стычки с Джесси, и открыл социальную сеть. Пальцы чуть подрагивали от нетерпения, пока он набирал имя и фамилию Лили. Она была почти в самом верху списка — будто сама судьба подталкивала его к этому шагу. Мальчик обрадовался, что нашёл её, и сразу нажал «Добавить в друзья». На секунду экран замер, будто растягивая момент ожидания, а потом выскочило тихое «Заявка отправлена». Макс откинулся на спинку стула, выдохнул и, сам того не замечая, расплылся в довольной ухмылке. Теперь можно было взяться за алгебру.

Он просидел за уроками почти два часа, время от времени потирая уставшие глаза и отхлёбывая остывший чай, который мама принесла ему наверх. Задачи не давались легко: где-то приходилось возвращаться к примерам в учебнике, где-то — переписывать решение заново, стирая ластиком кривые строчки. Но он не сдавался, упрямо выводил цифры и знаки, словно каждая решённая задача была маленьким шагом к тому, чтобы почувствовать себя хоть чуточку увереннее в этом новом мире. И когда последняя страница была заполнена аккурат-

ными вычислениями, он откинулся назад, чувствуя приятную усталость и тихую гордость: всё сделано.

Вдруг на планшет пришло уведомление — короткий, бодрый звук, от которого сердце подпрыгнуло, где-то в груди. Схватив устройство, он увидел: Лили приняла его заявку в друзья. Макс очень обрадовался. Экран будто стал ярче, а комната — чуть уютнее. Следом прилетело ещё одно уведомление — сообщение от Лили.

«Привет, сосед. Сделал уроки?»

Его лицо расплылось в счастливой улыбке, и он тут же начал набирать ответ, стараясь, чтобы буквы не прыгали от волнения.

«Привет, соседка. Да, а ты?»

«Давно уже, смотрю телек. А ты чем занимаешься?»

Максу стало немного стыдно писать, что он только что доделал уроки, будто это делало его каким-то не таким, слишком старательным или, наоборот, медлительным. Поэтому он написал то, что казалось более «нормальным», более похожим на обычную жизнь:

«Разбираю коробки. Несколько уже разобрал, осталось немного». Он покосился на большую стопку коробок у двери — они по-прежнему громоздились, как молчаливые свидетели переезда, и добавил: «Пара штук осталась».

«Ясно», — ответила Лили.

Мальчик очень хотел продолжения их диалога, но тишина после «Ясно» от Лили стала горьким разочарованием — словно кто-то выключил свет в комнате, где только что было уютно. Тяжкий вздох сорвался с его губ, и он, с поникшими плечами, принялся за унылую разборку вещей. Он достал из коробки стопку футболок, аккуратно сложил их, потом переложил пару книг, будто надеялся, что среди них найдётся что-то, что отвлечёт его от этой неловкой пустоты в переписке. Время тянулось мучительно медленно: каждая минута будто растягивалась, как резинка, не желая переходить в следующую. Вскоре его взгляд упал на часы — стрелки показывали почти семь вечера, а в комнате уже сгущались сумерки, и только тусклый свет настольной лампы выхватывал из темноты углы и коробки.

— Семья, я дома! — голос отца, полный теплоты, но с едва уловимой тенью усталости, наполнил дом.

— Урааа, папочка пришёл! — восторженный крик Джесси пронзил воздух, звонкий и чистый, как колокольчик. Она сорвалась с места и, не разбирая дороги, бросилась навстречу отцу. Её косички подпрыгивали при каждом шаге, а на лице сияла такая радость, будто это был не обычный вечер, а настоящий праздник. Отец, чуть наклонившись, с любовью подхватил её на руки, крепко прижал к себе, и на секунду замер, словно впитывая этот момент, чтобы сохранить его, где-то глубоко внутри, там, где живёт самое дорогое.

— Привет, папочка. Как прошёл твой день на работе? — её голос звучал нежно и заботливо, по-детски искренне, без всякой игры просто потому, что ей действительно было важно знать, как у него дела.

— Привет, милая. Всё отлично! — отец улыбнулся, и эта улыбка, хоть и была немного усталой, всё равно светилась теплом. — А как вы тут без меня? Что делали?

— Хорошо! Мы с мамой разбирали коробки, — радостно отчиталась Джесси, болтая ногами в воздухе и крепко обнимая папу за шею.

— Какие вы молодцы. Много разобрали?

— Очень много, штук пятьсот! — с гордостью заявила Джесси, широко распахнув глаза, будто сама верила в эту цифру.

— Неужели? — засмеялся папа. — У нас, наверное, столько и нет.

Затем подошла мама — в её движениях чувствовалась та самая тихая собранность, которая появляется, когда день был долгим, но ты всё равно рада его закончить вот так, рядом с близкими. А следом, чуть помедлив на верхней ступеньке, спустился Макс. Он старался дер-

жаться спокойно, не показывать, как сильно ему хотелось сейчас просто подойти и уткнуться отцу в плечо, как это делала Джесси. Но он уже считал себя слишком взрослым для таких порывов, поэтому просто остановился в дверях, слегка ссутулившись, и тихо произнёс:

— Привет, пап.

Отец тут же заметил его, чуть прищурился, будто пытаясь прочитать в лице сына всё, что тот не говорил вслух, и тепло кивнул:

— Привет, сынок. Как твой первый день? Рассказывай.

Макс хотел было сказать «нормально», привычно спрятать всё за одним словом, но в папином взгляде было столько искреннего интереса, что слова сами начали складываться в предложения — про алгебру, про Лили, про Стейси и Дилана, про то, как всё было странно и немного страшно, но как в этом странном дне всё-таки нашлось место чему-то хорошему.

Мама всех позвала за стол, ужинать. На столе дымилась тарелка с горячей запеканкой, рядом стояли миски с салатом, а в центре — хлебница с ломтиками свежего хлеба. Всё было простым, но таким нужным: запах еды, тихий разговор, стук вилок о тарелки, смех Джесси, которая рассказывала какую-то свою, только ей понятную историю, размахивая вилкой, как дирижёрской палочкой.

После ужина они долго общались в гостиной. Коробки по-прежнему громоздились по углам, напоминая о том, сколько всего ещё предстоит сделать, но сейчас они уже не казались такими пугающими. Папа раскладывал на полу план дома, чертил карандашом какие-то линии, предлагал, где лучше поставить книжный шкаф, а где — стол для рисования Джесси. Мама кивала, иногда вставляла свои замечания, а Макс сидел на диване, подтянув колени к груди, и слушал, как взрослые обсуждают будущее, будто уже видят этот дом не пустым и чужим, а своим — с расписанными полками, со смешными наклейками на холодильнике, с запахом кофе по утрам и тихими вечерами у окна.

И в какой-то момент Макс вдруг понял, что, возможно, этот вечер — один из тех, из которых и собирается настоящая жизнь. Не из больших побед и громких слов, а из вот таких минут: когда папа смеётся над выдумками Джесси, мама поправляет плед, а ты сидишь и чувствуешь, что ты дома — не просто в четырёх стенах, а там, где тебя ждут и любят. И даже если Лили пока ничего не пишет, даже если впереди ещё много коробок и незнакомых дней, у него есть это — его семья, его опора, его тихий островок, где можно выдохнуть и снова поверить, что всё будет хорошо.

— Ладно, уже поздно. Давайте собираться спать. Завтра всем рано вставать, — мама посмотрела на часы, было уже начало одиннадцатого.

Макс и Джесси поднялись в свою комнату, где их ждала уютная двухъярусная кровать. Девочка, как всегда, заняла нижний ярус — она обожала это место: там было теплее, уютнее, и можно было завернуться в одеяло так, что наружу торчал только нос. Она тут же устроилась поудобнее, подтащила к себе плюшевого зайца, которого не выпускала из рук с трёх лет, и тихонько засопела, будто весь день копила силы именно для этого момента — чтобы наконец закрыть глаза и уплыть в сон.

А Макс взобрался на верхний ярус. Лестница чуть поскрипывала под его весом, и этот звук почему-то показался ему особенно громким в наступившей тишине. Он улёгся на спину, чувствуя, как жёсткий матрас всё ещё не привык к его весу, и уставился в потолок, где плясали отсветы уличного фонаря — тонкие полоски света, которые скользили по голубой краске, словно живые. Мягкий свет ночника разлился по комнате, окутывая их теплом и спокойствием.

Джесси почти сразу уснула, её дыхание стало ровным и глубоким, а в комнате повисла та особенная ночная тишина, когда даже самые обычные звуки — тиканье часов, далёкий гудок машины, скрип старого дома — становятся громче и будто наполняются каким-то новым смыслом. А мальчик долго ворочался, переворачиваясь с боку на бок, натягивая одеяло то до подбородка, то сбрасывая его, потому что становилось то холодно, то невыносимо жарко.

Его мысли снова и снова возвращались к Лили, к её короткому сообщению и внезапному молчанию. Он снова прокручивал в голове их переписку, выискивая в словах какой-то скрытый смысл, гадая, не сказал ли он чего-то не того, не прозвучало ли его «разбираю коробки» глупо или слишком подетски. Он чувствовал себя немного отвергнутым, словно протянул руку, а её не приняли. Эта маленькая неудача болезненно отозвалась в его сердце, напомнив об одиночестве на новом месте — о том колющем, тяжёлом чувстве, когда ты стоишь посреди шумного коридора, а вокруг все разбилось на привычные компании, и ты вдруг понимаешь, что ты здесь чужой.

Макс достал из-под подушки телефон, на секунду задержав дыхание, будто боялся увидеть то, чего нет. Экран мягко засветился, но новых уведомлений не было. Он ещё немного посидел, глядя на чёрную полосу экрана, потом тяжело вздохнул и убрал телефон обратно. В темноте комнаты этот тихий звук — его собственный вздох — показался ему особенно горьким.

Внезапно в дверь тихонько постучали. Это был папа. Он подошел к кровати и погладил Макса по голове.

— Как ты, сынок? Вижу, что тебя что-то беспокоит.

Мальчик почувствовал тепло отцовской руки и, не сдержавшись, рассказал обо всём: и о школе, и о Лили, и о тоске по прежней жизни. Слова лились торопливо, будто если он остановится, то снова всё спрячет глубоко внутри.

Папа слушал внимательно, не перебивая. Когда Макс закончил, он сказал:

— Я понимаю, сынок. Переезд – это всегда тяжело. Но помни, что мы рядом. И что впереди много всего хорошего. А Лили... может она просто занята. Дай ее время.

Слова отца успокоили мальчика. Он почувствовал себя не таким одиноким и вскоре заснул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.